

Статьи

Д. Е. Алимов

Санкт-Петербургский государственный университет

«*Borna dux Guduscanorum*»К вопросу о характере княжеской власти в далматинской Хорватии
в первой четверти IX века

С конца VIII в. населенные предками современных хорватов земли бывшей римской провинции Далмации оказались в непосредственном соседстве с Франкским государством, осуществлявшим активную экспансию на юго-восток и около 788 г. включившим в свой состав Истрию¹. С распространением на соседние с Истрией земли политического влияния Франкского государства, по-видимому, увенчавшимся признанием вассальной зависимости со стороны местной власти², связано и появление в это время информации об этих землях во франкских источниках. Особое место принадлежит здесь известиям *Анналов королевства франков* (*Annales Regni Francorum*). Как памятник, современный многим из описываемых в нем событий, *Анналы королевства франков*, писавшиеся разными авторами при франкском королевском дворе в период с 788 по 829 год, выгодно отличаются своей относительной точностью от многих других письменных источников.

Денис Евгеньевич Алимов, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alimov@DA13429.spb.edu.

¹ См., например: *Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*. Zagreb, 1990. S. 306–307. Точная датировка подчинения франками Истрии дискуссионна. Из новых работ см., например: *Margetić L. Neka pitanja prijelaza vlasti nad Istrom od Bizanta na Franke // Acta Histriae*, II. Koper, 1994. S. 5–24.

² См., например: *Ronin V. K. The Franks on the Balkans in the Early Ninth Century // Études balkaniques*. №1. Sofia, 1985. P. 45–46. По мнению Ф. Шишича, сын Карла Великого король Италии Пипин уже в 797 г. совершил поход в хорватские земли, а окончательно власть франков была признана здесь в 803 г. (*Šišić F. Op. cit. S. 306–307*). Однако в Алеманнских анналах говорится только о походе Пипина «с баварами и некоторыми из лангобардов на славян», а в Вольфенбюттельских анналах — о походе «к венедам» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.) / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1995. С. 452, 455). Нет оснований видеть в этих славянах именно жителей Далмации. Подробнее см.: *Ronin V. K. The Franks... P. 49; Свод... Т. II. С. 453* (комментарий В. К. Ронина). 803 год, когда велись мирные переговоры между Франкской державой и Византией с разграничением соответствующих сфер политического контроля, можно рассматривать как *terminus post quem* пол установления зависимости хорватского политического образования от франков.

Большой интерес для изучения ранних форм княжеской власти у хорватов представляет то, как в данном источнике именуется Борна, правитель политического образования, сложившегося к тому времени на землях древней Далмации. В помещенном в *Анналах* под 818 г. сообщении о прибытии в Геристальскую резиденцию Людовика Благочестивого послов от различных народов, в частности, говорится: «Были там и от других народов послы, а именно от ободритов и от Борны, князя гудусканов, и от тимочан, которые недавно отложились от болгар и к нашим пределам примкнули, как и от Людевиты, князя Нижней Паннонии...»³. Как видно, в данном сообщении Борна выступает как князь гудусканов (*dux Guduscanorum*)⁴.

Согласно господствующему в современной науке убедительному толкованию, гудусканы — это гачане, славянская общность, населявшая расположенную на северо-западе современной Хорватии (в районе Велебита) гористую область Гацка, упомянутую также в трактате императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) под названием «Γουτζροκόμ»⁵. Такая локализация района проживания гудусканов была одним из оснований, по которым в историографии было отвергнуто встречавшееся в работах исследователей XVII — первой половины XIX в. (И. Лучич, П.И. Шафарик) чтение приведенного фрагмента *Анналов*, согласно которому Борна был также князем тимочан, населявших район реки Тимок на востоке современной Сербии⁶.

³ «Erant ibi et aliarum nationum legati, Abotritorum videlicet ac Bornae ducis Guduscanorum, et Timocianorum, qui nuper a Bulgarorum societate desciverant et ad nostros fines se contulerant, simul et Liudeviti, ducis Pannoniae inferioris...» (*Monumenta spectantia slavorum meridionalium. Vol. VII. Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. Zagrabiae, 1877. P. 320 (далее: Documenta); Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Rec. F. Kurze. Hannoverae, 1895. P. 149 (далее: ARF)*).

⁴ Следует сразу оговориться, что древнейший хорватский эквивалент латинскому обозначению «dux» (так же как и греческому «архонт», как именовались хорватские правители VII–X вв. в византийских источниках) неизвестен. В историографии второй половины XIX в. высказывались мнения, что таковыми являлись термины «великий жупан» или «бан». См.: *Rački F. Odlomci iz državnoga prava hrvatskoga za narodne dynastie. Beč, 1861. S. 54–57; Smičiklas T. Poviest Hrvatske. Dio I. Zagreb, 1882*. Оба мнения имели скорее характер догадок. Высказывавшееся уже Ф. Рачким и распространенное в современной историографии мнение о том, что древнейшим хорватским обозначением правителя был славянский термин «коязыч», основывается на свидетельствах позднейших источников, освещающих реалии зрелого Средневековья, а также на аналогии с другими славянскими странами. См.: *Rački F. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća // Rad JAZU. Knj. 91. Zagreb, 1888. S. 126–127; Goldstein I. O latinskim i hrvatskim naslovima hrvatskih vladara do početka 12. stoljeća // Historijski zbornik. God. XXXVI (1). Zagreb, 1983. S. 141–163*. Следуя за большинством хорватских и российских авторов, называющих хорватских правителей IX в. «князьями», и признавая удобство такого именования в качестве перевода, тем не менее, считаем необходимым указать на отсутствие прочных оснований полагать, что именно таким образом в IX столетии сами хорваты именовали своего правителя.

⁵ *Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 133*.

⁶ Такому прочтению приведенного фрагмента *анналов* естественным образом способствовало отсутствие в их оригинальном тексте заглаю после слова «Guduscanorum»: «Bornae ducis Guduscanorum et Timocianorum...». Гудусканов же при этом нередко считали славянским племенем, населявшим район Кучева на востоке Сербии (так называемыми кучанами). Заглаю после слова «Guduscanorum» считали нужным ввести уже К. Цойс, Э. Дюммлер и Ф. Рачки. Ф. Рачки убедительно аргументировал такой шаг удаленностью района проживания гудусканов, локализованного в горной Хорватии, от мест обитания тимочан, а также всем дальнейшим повествованием *Анналов*, где между Борной и тимочанами не прослеживается никакой связи. См. комментарий Ф. Рачкого: *Documenta. P. 322*. Попытку оспорить правильность принятого большинством исследователей чтения предпринял в середине XX в. сербский исследователь С.М. Правнович, связавший этноним гудусканов с названием римского поселения *Guduscum* в восточной Сербии, где зафиксированы и похожие славянские топонимы. По мнению С.М. Правновича, Борна был князем сербского племени гачан и соседних с ним тимочан и вместе с гачанами переселился в гору Хорватю из Сербии (*Prvanović Sv. M. Ko je bio hrvatski knez Borna (Da li je poreklom iz Istočne Srbije)? // Rad JAZU. Knj. 311. Zagreb, 1957. S. 301–310*). Построение это весьма шатко, особенно труднообъяснима миграция гипотетических сербских гудусканов в гору Хорватю. Историко-географический комментарий: *Arlojfalj S. Da li bi se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borna i Ljudevitu Posavskom? // Godišen zbornik na Filozofski o fakultet na Univerzitetu u Skopje. Kn. 19. Skopje, 1967. S. 130–134; Novaković R. Balučki Sloveni u Beogradu i Srbiji. Beograd, 1985. S. 71–80*.

В другом, относящемся уже к следующему, 819 году, известии *Анналов королевства франков*, где говорится о битве войск Борны и Людевита Посавского у реки Купы, во время которой Борну покинули те самые гудусканы, правителем которых он выступает в предыдущем сообщении, франкский анналист называет Борну правителем Далмации: «*Borna... dux Dalmaciae*»⁷. И, наконец, под 821 г., когда тот же источник сообщает о смерти князя, Борна именуется правителем Далмации и Либурии: «*Borna, dux Dalmatiae atque Liburniae*»⁸.

Как же именование Борны «князем гудусканов» в известии *анналов*, помещенным под 818 г., соотносится с другими определениями этого правителя, фигурирующими далее в том же источнике? Нетрудно заметить, что от ответа на этот вопрос зависит не только наше представление о статусе конкретного князя, но и во многом понимание того, каким образом происходило на территории бывшей римской провинции Далмации оформление средневековой хорватской государственности. Хотя проблема «титолов» князя Борны уже несколько столетий в той или иной степени пользуется вниманием исследователей, она и ныне сохраняет свою актуальность, так как в силу своей гипотетичности и спорности ни одно из предложенных решений не смогло пока занять прочного места⁹. В настоящей статье нам хотелось бы охарактеризовать современное состояние проблемы, а также высказать по ее поводу некоторые свои соображения.

Разные интерпретации определения «*dux Guduscavorum*» предполагают разное понимание самого характера этого определения — как официального титула хорватского правителя или как данного франкским анналистом необходимого пояснения, продиктованного задачами повествования. При этом и в том, и в другом случае статус князя Борны в 818 году может быть истолкован по-разному. Если абстрагироваться от нюансов, встречающихся в историографии толкования можно свести к следующим вариантам.

В 818 г. Борна был только князем гудусканов, лишь впоследствии расширив свою власть на другие области будущего Хорватского государства¹⁰.

Будучи князем гудусканов, Борна одновременно являлся одним из князей полицентричного хорватского племенного объединения¹¹.

Борна был правителем хорватов, верховную власть которого к 818 г. признавали гудусканы¹².

⁷ *Documenta*. P. 322; *ARF*. P. 150.

⁸ *Documenta*. P. 325; *ARF*. P. 155.

⁹ *См.*, например, обзор новейшей хорватской литературы: Krznarić M. Gačani i knez Borna // *Grad Otočac*, 7. Otočac, 2003. S. 57–70.

¹⁰ Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X веке. М., 1876. С. 37; Смирнов И. Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1879. С. 22; Antoljak S. Op. cit. С. 137; Веус И. Još o problemu formiranja feudalnih država u Južnih Slavena // *Radovi Instituta za hrvatsku povijest*. Vol. 8. Zagreb, 1976. S. 112. К такому толкованию приближается и стоящее несколько особняком мнение, согласно которому в горной Хорватии, правителем жителей которой — гудусканов — был Борна, находился первоначальный район обитания хорватов до их переселения в приморские области. *См.*: Mužić I. Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // *Hrvati i Goti*. Split, 1996. S. 54–61; *Idem*. Hrvati i autohtonost. Split, 2001. S. 56–60, 256–259, 282–283; *Idem*. Doseljenje, smještaj i pokrštanje Hrvata prema izvorima // *Hrvatska povijest*. Split, 2002. S. 32–41, 48–54.

¹¹ Р. Катичич, трактовал определение «князь гудусканов» как «гентильную» легитимацию, племенную основу власти Борны, пояснил при этом, что речь идет о первичном уровне легитимации правителя, являвшимся одним из князей полицентричного хорватского племенного объединения. *См.*: Katičić R. Pretorijanci kneza Borne // *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III, sv. 20. Split, 1990. S. 69.

¹² Krause H. L. *Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX*. Pars I. Berolini, 1854. P. 18–21; Dümmler E. Über die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern (795–907) // *Archiv für die Kunde österreicher Geschichtsquellen*. Bd. X. Wien, 1853. S. 25; *Idem*. Über die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien (549–928) // *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Band XX. Wien, 1856. S. 388; *Documenta*. P. 320 (комментарий Ф. Рачкоро); Šišić F. Op. cit. S. 310, bilj. 25; *Lowmiański H*. *Posadzki Polski*. T. IV. Warszawa, 1970. S. 271; *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья*. М., 1982. С. 173; *Тржешттик Д.* Возникновение славян-

Говоря о различных трактовках статуса князя Борны, необходимо, конечно, указать на проявлявшуюся в историографии (хотя и не всегда отчетливо) разницу в понимании того, в каком соотношении друг к другу находились общности хорватов и гудусканов. Так, в историографии второй половины XIX — первой половины XX века было распространено представление о проживании в Далмации в эпоху, предшествовавшую образованию Хорватского государства, ряда родственных друг другу «хорватских племен», возглавляемых племенными вождями — жуланами¹³. В соответствии с этим гудусканы могли мыслиться как одно из таких племен, а Борна, прошедший путь от племенного владетеля до властителя Далмации и Либурнии, — как своего рода основатель единого Хорватского государства¹⁴.

Другой взгляд, представленный в новейшей историографии и во многом связанный с критикой представления о раннесредневековых славянских «племенах» как об объединениях, основанных на родовых связях¹⁵, предполагает восприятие гудусканов как отдельной этнополитической общности, существовавшей в начале IX в. наряду с другой — хорватской¹⁶. Такого рода общности, как правило, именовались в раннесредневековых латиноязычных памятниках терминами «gens» и «natio». Будучи самостоятельными этнополитическими единицами, складывавшимися из гетерогенных элементов, они не могут быть приравнены к «племенам» в том смысле, какой традиционно вкладывался в это понятие в историографии второй половины XIX — первой половины XX века¹⁷.

Очевидно, что для ответа на вопрос, какой из перечисленных трактовок статуса князя Борны следует отдать предпочтение, необходимо соотнести эти трактовки со сведениями источников об этносоциальной организации на землях, ставших впоследствии ядром раннесредневекового Хорватского государства.

Прежде всего, необходимо отметить, что племенные наименования далматинских славян, первоначально находившихся в зависимости от аваров и затем оказавшихся под властью хорватов, источниками не зафиксированы, если не считать некоторых редких и не вполне ясных намеков, извлекаемых из топонимики¹⁸. За исключением гудусканов, франкские ис-

ских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 81; *Třeštilk D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871*. Praha, 2001. S. 97–101.

¹³ См., например: *Rački F. Hrvatska prije XII vieka glede na zemljišni obseg i narod* // Rad JAZU. Knj. 57. Zagreb, 1881. S. 131; Idem. *Nutarnje stanje...* // Rad JAZU. Knj. 70. Zagreb, 1884. S. 185–190; Knj. 91. Zagreb, 1888. S. 128–144; *Lanović M. Ustavno pravo Hrvatske narodne države* // Rad JAZU. Knj. 265. Zagreb, 1938. S. 194–197; Knj. 266. Zagreb, 1939. S. 26–28.

¹⁴ Так, например, И. Н. Смирнов писал, что «Борна из мелкого жупана сделался князем всей Далмации» (*Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 22*).

¹⁵ Подробнее см.: *Třeštilk D. České kmemy. Historie a skutečnost jedné koncepce* // *Studia Mediaevalia Pragensia*, I. Praha, 1988. S. 129–143; Idem. *Křesťanské knížat roku 845 a christianizace Slovanů / Český časopis historický. Ročník 92*. Praha, 1994. S. 424, poz. 3; Idem. *Vznik Velké Moravy*. S. 211, poz. 1. Правомерность использования понятия «племя» применительно к восточнославянским общностям раннего Средневековья оспорена А. А. Горским: *Горский А. А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян* // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. *Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты*. М., 1999. С. 156–221; Он же. *Русь: От славянского расселения до Московского царства*. М., 2004. С. 9–35.

¹⁶ *Ančić M. U osvjet novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod* // *Hrvati i Karolinzi*. Dio I. Split, 2000. S. 76–83, 90–95.

¹⁷ Генезис и структура раннесредневековых «gentes» хорошо изучены применительно к германским общностям. См., например: *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln; Graz, 1961; Вольфрам Х. *Готы*. СПб., 2003. На недостаточную разработанность этого вопроса применительно к славянам недавно указал Д. Тржештик: *Třeštilk D. Vznik Velké Moravy*. S. 10.

¹⁸ См., например: *Šišić F. Op. cit. S. 277–278*. Относительно недавно М. Анчич предпринял попытку реконструировать на основании данных топонимики картину расселения в Далмации наряду с гудусканами еще ряда славянских «племен» (точнее — их мигрировавших осколков), которые, по мнению исследователя, прибыли в Далмацию во время франко-аварских войн под предводительством гентильного вождя сильнейшей в этом конгломерате общности — хорватской. См.: *Ančić M. Op. cit. S. 76–83, 90–95*. Излишне говорить, что такие реконструкции, основанные на созвучии названий, остаются весьма гипотетическими.

точники не содержат сведений о наличии каких-либо славянских общностей в пределах территории, находившейся под властью хорватского правителя. В связи с этим представляется показательным то, как во франкских источниках обозначались жители Далматинской Хорватии. В сообщении *Анналов королевства франков* под 817 г. о территориальных спорах, возникших после разграничения сфер политического контроля в Далмации между Франкским государством и Византией, одна из спорящих сторон, т.е., очевидно, жители хорватского политического образования, определяется просто как «славяне»¹⁹ или, судя по тому, что выше здесь говорилось о делах «далматинцев»²⁰, как «славяне-далматинцы»²¹. В сообщении об этом же событии в «Жизнеописании императора Людовика» Анонима (IX в.) говорится о «пределах далматинских романцев и славян»²², из чего также можно заключить, что жители Далматинской Хорватии именовались во франкских источниках далматинскими славянами или славянами-далматинцами²³.

Вместе с тем, в историографии неоднократно обращалось внимание на то, что в источниках этноним «хорват» встречается только с середины IX в., причем во франкских источниках той эпохи, несущих основной объем информации о хорватских землях в начале IX столетия, он вообще не упоминается. Казалось бы, это обстоятельство может быть истолковано в пользу предположения о недостаточной еще распространенности хорватского этнонима в начале IX в. и о сохранении на тот момент в Далмации какого-то племенного разнообразия, побудившего франков использовать своего рода собирательное обозначение. Так, Л. Маргетич использовал данное обстоятельство для подкрепления своего тезиса о том, что власть Борны не распространялась на территорию поблизости от приморских городов Трогира и Сплита, где во второй четверти IX в. укрепляется своя, не связанная с Борной, династия Трпимировичей, способствовавшая утверждению хорватского этнонима²⁴.

Однако, если принять во внимание некоторые обстоятельства, отсутствие упоминаний этнонима «хорват» во франкских источниках может быть истолковано иначе. Как известно, впервые этноним «хорват» засвидетельствован в грамоте князя Трпимира середины IX в., документе, появившемся на хорватской почве и исходившем от самого хорватского правителя и его ближайшего окружения²⁵. Такое же происхождение имеют и следующие по времени упоминания хорватского этнонима в источниках IX века — в происходящей из Шопота близ Бенковца надписи на детали каменного церковного убранства с именем князя Бранимира (879–892 гг.)²⁶ и в грамоте князя Мунцимира 892 года²⁷. Как следует из этих источников, в этот период хорватский этноним уже определенно используется в официальном титуле хорватского правителя («dux Croatiae», «dux Croatiae»). Во франкских же источниках (как и в адресованных хорватским правителям письма римских пап) этноним «хорват» по-прежнему не фигурирует на протяжении всего IX века. О невозможности объяснить это обстоятельство слабым знаком-

¹⁹ «...et quia res ad plurimos et Romanos et Sclavos pertinebat...» (Documenta. P. 317; ARF. P. 145).

²⁰ «...pro Dalmatorum causa...» (Documenta. P. 317; ARF. P. 145).

²¹ *Katičić R. Filološka razmatranja... S. 87.*

²² «...de finibus Dalmatorum Romanorum et Sclavorum» (Documenta. P. 318).

²³ Подробнее об этом см.: *Katičić R. Filološka razmatranja... S. 87.*

²⁴ *Margetić L. Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840) // Historijski zbornik. God. XL I (1). Zagreb, 1988. S. 231–232; Idem. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata. Zagreb, 1995. S. 144–147; Idem. O Borni, vojvodi Gačana // Zbornik biskupa Mile Bogovića. Rijeka, 2004. S. 87–101*

²⁵ *Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije. Sv. I / Uredio M. Kostrenčić. Sakupili i obradili J. Stipišić i M. Šamšalović. Zagreb, 1967. S. 4–5.* Грамота датируется большинством исследователей 852 годом на основании указания, что она была дана в XV индикт. Л. Маргетичем приведены достаточно убедительные аргументы в пользу более ранней датировки создания грамоты — между 839 г. и 844 г. См.: *Margetić L. Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. God. 30. Br. 1. Split, 1993. S. 48; Idem. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države... S. 145–146.*

²⁶ *Namentragende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts / Bearbeitung: R. Mihaljčić. Redaktion: L. Steindorff. Wiesbaden, 1982. S. 32–33; Hrvati i Karolinzi. Dio II. Split, 2000. S. 347.*

²⁷ *Diplomatički zbornik... S.23.*

ством франков с хорватскими реалиями ярко свидетельствуют известия знаменитого бенедиктинского проповедника Готтшалка, который в период между 846 и 848 г. побывал в Хорватии и находился при дворе князя Трпимира²⁸. Рассказывая о военном столкновении князя с «народом греков», Готтшалк называет Трпимира «королем славян» (*Tripemirus rex Sclavorum*)²⁹. В другом своем известии Готтшалк сообщает, как именовали своих властителей «*homines Dalmatini*» и «*homines Latini*»³⁰. По мнению Л. Катича, разделяемому ныне большинством исследователей, под «*homines Dalmatini*» в тексте сообщения подразумевались хорваты, т.е. жители Далматинской Хорватии, в то время как «*homines Latini*» — это жители городов византийской Далмации³¹. Таким образом, несмотря на факт своего пребывания при дворе хорватского правителя и хорошее вследствие этого знакомство с хорватскими реалиями, ученый франкский автор все равно предпочитает следовать традиционному для франкской историографии обозначению жителей Хорватского княжества. Как известно, для франкской историографии вообще было весьма характерным следование античной традиции в именовании тех или иных территорий, а применительно к Далмации эта традиция была особенно сильна³². Таким образом, в обозначении «*Sclavi Dalmatini*» вполне можно видеть эквивалент этнониму «хорваты», прилагавшийся франкскими авторами к конкретной этнополитической общности, а не к некому гипотетическому конгломерату славянских племен.

К существовавшей в древности родоплеменной структуре в историографии нередко возводили происхождение административного деления раннесредневекового Хорватского княжества. Между тем, древнейшие известия о хорватских жупанах, относящиеся к середине — второй половине IX в., показывают, что жупаны в этот период были тесно связаны с княжеской властью, зачастую являясь княжескими чиновниками³³. Каков бы ни был статус древнейших жупанов VII–VIII вв., нет никаких оснований возводить к гипотетическим племенным жупам формирование структуры хорватских жупаний, первые упоминания о которых (точнее об управлявших ими жупанах) содержатся в грамоте Мунцимира 892 года³⁴. Названия одиннадцати хорватских жупаний, перечисленных в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»³⁵, носят географический характер, т.е. образованы от названий территорий, рек, населенных пунктов. В большинстве своем эти топонимы и гидронимы восходят ко временам до прихода славян. Важно, что ни одно из названий одиннадцати жупаний не может быть с определенностью выведено из названия какого-либо славянского племени или рода³⁶. Как показал Ф. Смилянич, деление по жупаниям определялось такими факторами, как территориальное деление позднеантичной Далмации, направление сохранившихся римских трасс, хозяйственные потребности населения и т.п.³⁷.

²⁸ О Готтшалке и обстоятельствах его пребывания в Хорватии см.: *Katić L. Saksonac Gottschalk na dvoru kneza Trpimira. Zagreb, 1932. S. 2–8; Rapanić Ž. Solinska epizoda europske povijesti // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, 85. Split, 1992. S. 92–97.*

²⁹ *Katić L. Op. cit. S. 8; Hrvati i Karolinzi. Dio I. Split, 2000. S. 295.*

³⁰ *Katić L. Op. cit. S. 9; Hrvati i Karolinzi. Dio I. S. 295.*

³¹ *Katić L. Op. cit. S. 25–26. Другую точку зрения отстаивает И. Мужич, согласно которому, «*homines Dalmatini*» — это автохтонное население Далмации, подвластное хорватскому князю (*Mužić I. Hrvati i autohtonost. S. 260–263*).*

³² Обозначение «*Sclavi Dalmatini*» типологически сходно с встречающимся в Анналах королевства франков названием другой славянской общности — карниольцев (*Carniolenses*) (*Documenta. P. 323; ARF. P. 152*), сформировавшейся на территории древней Карниолы по соседству с Карантанией и выступавшей как особое этнополитическое образование. См. об этом: *Katić R. Filološka razmatranja... S. 80. См., например: Грачев В.П. Сербская государственность в X–XIV вв. (Критика теории «жупной организации»)*. М., 1972. С. 10–15, 199–208.

³³ *Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije. Sv. I. / Uredio M. Kostrenčić. Sakupili i obradili J. Stipišić i M. Šamšalović. Zagreb, 1967. S. 24.*

³⁴ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 133.

³⁵ Мнение М. Анчича, что название жупаний Хливно (Ливно) связано с названием одной из местностей в земле ободритов (Hliuno) и происходит, таким образом, от малого племени или родовой общины ободритов, переселившихся в Далмацию, базируется только на созвучии названий, не являясь при этом единственно возможной этимологией (*Ančić M. Op. cit. S. 76*).

³⁶ *Smiļanić F. Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // Etnogeneza Hrvata. Zagreb, 1995. S. 178–190.*

Когда возникло деление по жупаниям, неизвестно. В своих суждениях о времени появления деления по жупаниям исследователи исходили из разных представлений о характере хорватского политического организма в VII–VIII вв., без особых на то оснований определяемого то как «племенной союз», то как своего рода «протогосударство»³⁸. Нет никаких оснований считать, что в основе деления по жупаниям лежало деление по родам или племенам. Мнение, согласно которому первоначально в хорватских землях существовало деление по жупам, которые следует отличать от появившихся позднее жупаний³⁹, не вызывая столь серьезных возражений, носит, однако, характер догадки, так как первые упоминания жуп в источниках относятся ко временам более поздним, чем сведения о жупаниях.

При относительной скудости информации источников о хорватском политическом образовании в первой половине IX в. естественным выглядит обращение исследователей к сведениям источников о ситуации в других славянских землях. Однако суждение о хорватской этносоциальной организации по аналогии с другими славянскими⁴⁰ представляется достаточно уязвимым по причине разнообразия картины, наблюдаемой в ранних славянских политических образованиях. Нередки случаи, когда в источниках говорится о нескольких или даже многих вождях, одновременно находящихся у власти в каком-либо из славянских объединений. В связи с этим следует отметить, что *Анналы королевства франков* сообщают о бегстве посавского князя Людевита к «одному из князей» сербов⁴¹, что как будто предполагает наличие нескольких одновременно правивших князей у ближайших соседей

³⁸ Так, Ю.В. Бромлей определял «жупанийско-сотенную» систему управления как «ухажившую своими корнями к первобытнообщинному строю», таким образом, существенно отличая ее по происхождению от новой системы управления по округам, возглавлявшимся королевскими наместниками-дворниками, фигурирующими в источниках начиная с XI века (*Бромлей Ю. В. К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии // Славяне и Русь. М., 1968. С. 251–260*). Н. Кланч использовала названия жупаний как аргумент против теории о переселении славян и хорватов на Балканы сформировавшимися племенами (*Klaić N. Povijest Hrvata... S. 146*). В. Кошчак, также подчеркивая, что названия жупаний образованы от географических, а не племенных названий, связывал этот факт с тем, что жупании были образованы не славянами, а хорватами-завоевателями (*Košćak V. Dolazak Hrvata // Historijski zbornik. God. XL(1). Zagreb, 1987. S. 375*).

³⁹ По мнению О. Мандича, в раннесредневековой Хорватии параллельно существовало деление по жупам и по жупаниям, причем территории жуп, организованных по принципам «старого родового устройства» и возглавлявшихся «жупными» жупанами, покрывались системой административных единиц Хорватского государства — жупаний, возглавлявшихся жупанами «королевскими» (*Mandić O. Vratstvo i gano srednjovjekovnoj Hrvatskoj // Historijski zbornik. God. V. Zagreb, 1952. S. 280–283*). Похожим образом Ф. Смилянич считает жупу «первым уровнем общественной организации» в отличие от более высшего — жупании, причем «установление жупанийского устройства непосредственно связано с возникновением раннесредневекового хорватского государства» (*Smiljančić F. Op. cit. S. 186–187*). Один из основных аргументов О. Мандича — отсутствие в перечне хорватских жупаний в трактате Константина Багрянородного нескольких жуп, фигурирующих в ряде грамот XI века. Эти жупы, по мнению исследователя, располагались на территории Клитской жупании. Мнение О. Мандича было оспорено Н. Кланч, указавшей на неполноту перечня жупаний в труде императора Константина и на недостаточную обоснованность локализации жуп на территории Клитской жупании. См.: *Klaić N. Postanak plemstva dvanaestoro plemena kraljevine Hrvatske // Historijski zbornik. God. XI–XII. Zagreb, 1959. S. 126–127; Klačun H. Новији радови на друштвеној проблематици средњовјековне Хрватске // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. Год. X (1949–1959). Сарајево, 1959. С. 341–342*.

⁴⁰ Разделяя мнение о появлении хорватов на Балканах в составе единого славянского переселенческого потока, Ф. Шишич считал возможным переносить на хорватский социум VII–VIII вв. даваемые некоторыми византийскими авторами характеристики социального быта южных славян. См.: *Šišić F. Op. cit. S. 192–202, 265*. Р. Катичич, ссылаясь на известия источников, позволяющие говорить о наличии князей (во множественном числе) у сербов, чехов, драгувитов, усматривает и в известиях *Хроники Фомы Сплитского* (XIII в.) о «вождях готов и славян» полное соответствие реалиям VII в., когда племенная власть «не была строго централизована в руках одного князя» (*Kaičić R. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III, sv. 17. Split, 1987. S. 27*).

⁴¹ Под 822 г. *Анналы* сообщают о том, что посавский князь Людевит бежал из Сисака к сербам и нашел убежище у одного из их князей (uno ex ducibus eorum), захватив впоследствии его град (civitatem eius) (*Documenta. P. 327; ARF. P. 158*).

хорватов — сербов⁴². Согласно сообщению того же источника, болгары, вторгшиеся в 827 г. по реке Драве в Паннонию, изгнав местных славянских князей, поставили вместо них своих правителей⁴³. Впрочем, из этого сообщения неясно, шла ли речь об одном славянском этнополитическом образовании или о нескольких. Бывает и так, когда в источнике фигурирует всего один правитель, стоящий во главе той или иной славянской общности и играющий центральную роль в описываемых событиях⁴⁴. Среди земель, географически близких к Хорватии, такой вариант демонстрируют относительно подробные сведения источников о княжеской династии Карантании. Хотя одновременное наличие нескольких князей было достаточно распространенным явлением в раннесредневековых славянских обществах, встречающийся в историографии тезис о том, что каждый из этих князей обладал особой племенной легитимацией⁴⁵, не находит надежного подтверждения в источниках⁴⁶. Если уж привлекать в данном случае аналогии, необходимо оговорить возможность наличия группы князей, принадлежавших к одному роду и не обладавших какой-либо племенной легитимацией⁴⁷.

Кроме того, при попытках судить о раннем хорватском социуме по аналогии с другими славянскими обществами нередко игнорируются этнокультурные особенности хорватского политического образования, складывавшегося в Далмации в результате взаимодействия различных этнических элементов (автохтоны, славяне, авары, протохорваты), и, в особенности, роль в процессе политогенеза собственно хорватов-переселенцев (протохорватов), чья этническая принадлежность не вполне ясна. О неславянском характере протохорватской общности или, по крайней мере, о присутствии в ней или иной степени неславянского элемента свидетельствуют, в первую очередь, неславянские имена семерых вождей, возглавивших, согласно хорватскому этногенетическому преданию, отраженному в 30-й главе трактата Констан-

⁴² В истолковании данного сообщения следует, однако, соблюдать осторожность. Не совсем ясно, о каком политическом образовании здесь идет речь. Согласно сообщению *Анналов*, сербы «держат большую часть Далмации» («... ad Sorabos, quae natio magnam Dalmatiae partem optinere dicitur...» (Documenta. P. 327)). Константин Багрянородный считает происходящими «от сербов» не только жителей собственно Сербии, но и неретляян, захумлян, травуныян и конавлян. Однако, возможно, эти данные отражают лишь политическую доминацию сербов в середине X в. (Обзор мнений см., например: *Lešny J. Studia nad počatkami Serbskijej monarhije Nemanicizov (polova XI — koniec XII veku)*. Wrocław, 1989. S. 15). Учитывая географическое положение Посавского княжества, большинство исследователей сходится в том, что сербы, к которым бежал Людовит, проживали где-то на территории Боснии. Вопреки мнению, согласно которому данное сообщение можно рассматривать как свидетельство господства сербов в Боснии, Н. Клаич полагает, что упомянутых в *Анналах сербов* следует связать с известной по источникам XIV в. жупанией Срб на территории современной Боснии (Klaič N. *Povijest Hrvata...* S. 211–212). Схожего мнения придерживается И. Голдштейн, полагающий, что речь шла о небольшой обособленной группе сербов на территории современной северо-западной Боснии (*Goldstein I. Ponovno o Srbima u Hrvatskoj u 9. stoljeću // Historijski zbornik, god. XXXVII (1)*. Zagreb, 1984. S. 235–246).

⁴³ «...expulsis eorum ducibus Bulgaricos super eos rectores constuerunt» (Documenta. P. 331; ARF. P. 173).

⁴⁴ См. об этом, например: *Флоря Б. Н.* Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*. М., 1991. С. 190–207. Из новых работ о генезисе княжеской власти в славянских обществах, см.: *Curia F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge, 2002. Автор вычлеляет в источниках сведения о различных типах вождей, оперируя результатами этнологических исследований.

⁴⁵ По мнению Р. Катичича, каждый из князей хорватского объединения «... имел и свою гентильную легитимацию, более узкую и подчиненную целостности полицентричного гентильного княжества, в которое она включалась» (Katičić R. *Preotijanci...* S. 69–70).

⁴⁶ Д. Тржештик отмечает, что в Чехии множество князей было у одной общности (gens). Полагать же, что каждому князю соответствовало свое «племя», по мнению исследователя, бесосновательно. См.: *Třeštík D. Křest českých knížat...* S. 431.

⁴⁷ Об одновременном наличии на Руси в IX–X вв. нескольких князей, принадлежавших к одному роду, см.: *Петрухин В. Я.* Князь Олег, Хельгу Кембриджского документа и русский княжеский род // *Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 225–226; Он же.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // *Из истории русской культуры. Т. I. (Древняя Русь)*. М., 2000. С. 131. Как подчеркивает В. Я. Петрухин, власть княжеского рода была «властью, стоящей над подданными и не включенной в архаичные догосударственные структуры...» (*Петрухин В. Я.* Древняя Русь... С. 131).

тина Багрянородного, переселение хорватов на Балканы⁴⁸. Утверждение протохорватов в Далмации в результате победы над аварами и подчинения проживавшего там на тот момент населения, несомненно, способствовало процессам политогенеза. Хотя термин «архонт», употребляемый в трактате Константина Багрянородного по отношению к первым хорватским правителям VII века, употреблялся в весьма широком значении, необходимо учитывать, что применительно к западнобалканским славянским землям в трактате Константина Багрянородного проводится различие между двумя властными институтами, обозначаемыми терминами «архонт» и «жупан»⁴⁹. При этом положение архонта, именуемого иногда «самовластным архонтом»⁵⁰, представляется в трактате как гораздо более высокое, чем положение жупана.

О том положении, какое занимали в хорватском обществе начала IX века представители правящего рода, т.е. родственники князя, до некоторой степени позволяют судить известия *Анналов королевства франков*. Согласно сообщению этого источника, в битве на реке Купе, произошедшей в 819 г., погиб тест Людевита Посавского Драгомуж (Dragamosus), который в начале восстания, поднятого Людевитом против франков, оставив своего зятя, присоединился к Борне⁵¹. Под 823 годом *Анналы королевства франков* сообщают еще об одном представителе правящего рода, родственнике Борны Людемысле. Людевит, покинув сербов, к которым посавский князь был вынужден уйти после поражения в борьбе с франками, по сообщению источника, «пришел в Далмацию к Людемыслу, дяде князя Борны» и, пробыв у него некоторое время, был им обманным путем убит⁵².

В историографии относительно статуса Драгомужа и Людемысла высказывались различные суждения. Одни исследователи видели в них просто княжеских родственников, возможно,

⁴⁸ *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 131. Достаточно близкие тюркские формы установил для некоторых из имен хорватских вождей Й. Миккола. См.: *Mikkola J.J. Avarica // Archiv für slavische Philologie*, 41. Berlin, 1927. S. 158–159. Имя хорватского архонта Порги, при котором, согласно 31-й главе трактата императора Константина произошло в VII в. крещение хорватов (*Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 137), вероятно, также не является славянским. Предложенные славянские формы предполагают сильное искажение имени в греческой передаче. Обзор мнений см.: Византиски извори за историју народа Југославије. Т. II / Обрадио Б. Ферјанчић. Београд, 1959. С. 42. С. Сакачем предложена иранская этимология имени: *Sakač S. K. The Iranian Origins of the Croats According to C. Porphyrogenitus // The Croatian Nation in its Struggle for Freedom and Independence*. Chicago, 1955. P. 45. Этимон «хорват», согласно наиболее распространенным в современной историографии вариантам его этимологии, является иранским. О вероятном иранском или тюркском происхождении самой протохорватской общности см. подробно: *Guldescu S. History of Medieval Croatia. The Hague, 1964. P. 33–43; Koščak V. Irsanska teorija o podrijetlu Hrvata // Etnogeneza Hrvata. Zagreb, 1995. S. 110–116; Margešić L. Dolazak Hrvata. Split, 2001. S. 21–27, 185–216*. Хотя, основываясь на свидетельствах современных событий франкских источников о славянстве жителей Далмации, можно говорить о славяноязычии хорватской общности применительно к началу IX в., трудно сказать, насколько в эту эпоху в ее этнокультурном облике сказывался неславянский компонент. Происхождение имени князя Борны точно не ясно. Р. Катичич указывает на близкие славянские и германские формы. См.: *Katičić R. Filološka razmatranja... S. 80, bilj. 11*. И. Чуричем высказывалось мнение об иранском происхождении имени. См. об этом: *Kranjčević M. O Gackoj (prilog jezičnom i povijesnom istraživanju pojma pokrajine i rijeke Gacke) // Grad Otočac, 4. Otočac, 1998. S. 125*.

⁴⁹ Так, в 29-й главе сразу после сообщения о том, как балканские славяне (хорваты, сербы, захлуны, тервуиноты, каналиты, диоклетинаны и паганы) взбунтовались и во времена правления императора Михаила стали полностью независимы от Византии, император Константин сообщает: «Архонтов же, как говорят, эти народы не имели кроме старцев-жупанов (ζουλάνους ἡγεροντας), как это в правилах и в прочих славиниях» (*Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 113). Еще одно свидетельство разграничения этих институтов в труде императора Константина содержится в 34-й главе, где после сообщения о том, что сербский архонт Властимир (первая половина IX в.) выдал свою дочь за Краину, сына жупана Травуни Белое, говорится: «Желая оказать честь своему зятю, он нарек его архонтом, сделав его самовластным» (αὐτεβούσιον) (*Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 151).

⁵⁰ *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 131, 151.

⁵¹ «Periit in eo proelio Dragamosus, socer Liudewiti qui in exordio defectionis, relicto genero, Bornae se coniunxerat» (Documenta. P. 322; ARF. P. 150).

⁵² «... de interitu Liudewiti, quod relictis sorabis, cum Dalmatiam ad Liudemuhslum avunculum Bornae ducis pervenisset, et aliquantum temporis cum eo moratus fuisset, dolo ipsius esset interfectus» (Documenta. P. 328; ARF. P. 161).

наделенных какими-то властными полномочиями⁵³, другие считали их князьями, подчиненными верховному князю⁵⁴. Действия Людомысла как будто предполагают некую политическую самостоятельность: Людомysl принимает у себя мятежного князя. Некоторые исследователи усматривают в этом указание на то, что Людомysl управлял какой-то территорией⁵⁵. Хотя данная трактовка возможна, вместе с тем необходимо помнить, что нам неизвестно, были ли действия Людомысла согласованы с правителем Далматинской Хорватии. Если учесть, что, еще находясь у сербов, Людевит отправил послов к императору Людовику Благочестивому с обещанием явиться ко двору⁵⁶, вполне приемлемым выглядит предположение В.К. Ронина, что Людевит находился в Далматинской Хорватии в качестве добровольного пленника, ожидая решения императора⁵⁷. Следовательно, область, которой предположительно управлял Людомysl, являлась составной частью Далматинской Хорватии, т.е. того политического образования, где с 821 г. правил вассал франков Владислав, родственник и преемник Борны⁵⁸.

Правда, и в этом случае теоретически возможны разные толкования статуса Людомысла — как подчиненного Борне племенного владетеля или как представителя княжеского рода, получившего град или область в управление⁵⁹. Управление страной тремя братьями встречается во второй половине IX в. в Сербском княжестве. В 32-й главе трактата Константина Багрянородного, основывающейся на сербских источниках, сообщается о том, что после правления сербского «архонта» Властимира (середина IX в.) «...власть над Сербией унаследовали три его сына — Мунтимир, Строимир и Гоиник, поделившие страну»⁶⁰. В Хорватии на протяжении всего IX столетия такие случаи источниками не зафиксированы, кроме одного не вполне ясного сообщения «Венецианской Хроникой» Иоанна Диакона (конец X — начало XI в.) об изгнании Здеславом сыновей Домагоя⁶¹, из которого, конечно, нельзя заключить, что в это время все они находились у власти. Казалось бы, то обстоятельство, что в источнике Людомysl фигурирует как дядя Борны по матери (*avunculus*), а не по отцу (*patruus*), склоняет к тому, чтобы считать Людомысла представителем родовой знати, если даже не князем некоего гипотетического племени. Однако более важным обстоятельством, с нашей точки зрения, следует признать то, что источник не содержит никакого титула Людомысла, определяя его, как и Драгомужа, только как княжеского родственника. Это позволяет думать, что легитимная статус Людомысла прежде всего исходила от самого князя Борны⁶². вполне допустима и путаница в использовании названных терминов родства⁶³. В

⁵³ См., например: *Šišić F. Op. cit. S. 310, bilj. 25.*

⁵⁴ Так, Д. Тржешттик, всячески подчеркивая сильную княжескую власть Борны, тем не менее, полагает, что «Борна не был единственным князем в Далмации, там еще сидели в своих градах тесть Людевита Драгомысл и дядя Борны Людомysl, однако он, несомненно, был первым среди князей...» (*Тржешттик Д. Возникновение славянских государств... С. 81*).

⁵⁵ По мнению Х. Ловмянского, на это указывает обеспечение Людомыслом убежища бежавшему князю (*Łowmiański H. Początki Polski. T. IV. S. 271–272*). О.А. Акимова также полагает, что «известие о бегстве Людевита «в Далмацию к Людомыслу» можно расценить как доказательство управления Людомыслом какой-то областью «Далмации» (*Акимова О.А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. М., 1985. С. 225*).

⁵⁶ *Documenta. P. 327; ARF. P. 158.*

⁵⁷ *Ронин В.К. Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 25.*

⁵⁸ *Documenta. P. 325; ARF. P. 155.*

⁵⁹ По мнению Х. Ловмянского, в случае родства Людомысла с Борной по отцовской линии мы бы имели указание на появление патримониальной власти хорватского правителя и «кристаллизацию» государственного устройства за одно поколение до Борны (*Łowmiański H. Początki Polski. T. IV. S. 272*), однако подобная гипотеза на основании имеющихся в нашем распоряжении данных представляется слишком далеко идущей.

⁶⁰ *Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 143.*

⁶¹ *Documenta. P. 373.*

⁶² В этом плане можно согласиться с О.А. Акимовой, что уже само «подчеркнутое внимание, которое франкский анналист уделяет родственникам Людевита и Борны... предполагает исключительное положение всех членов княжеского рода» (*Акимова О.А. Указ. соч. С. 225*).

⁶³ Так, в сообщении *Анналов* королевства франков под 773 г. Бернгард ошибочно назван дядей Карла Великого по матери, а не дядей по отцу (*ARF. P. 36*).

любом случае усматривать в эпизодах с Людемыслом и Драгомужем доказательство существования в Далматинской Хорватии племенного партикуляризма неправомерно.

В случае принятия гипотезы о том, что Борна как князь гудусканов был лишь одним из нескольких опиравшихся на свои племена князей хорватского объединения, остается неясным, как князь племени, населявшего горную область на периферии хорватского политического образования, смог стать верховным князем. Такое развитие событий выглядит маловероятным, даже если допустить помощь франков. В связи с вопросом о характере власти Борны над гудусканами примечателен конфликт, возникший между ними и князем во время борьбы Борны с восставшим против франкского владычества посавским князем Людевитом. Повествуя под 819 г. о битве между войсками Борны и Людевита на реке Купе, *Анналы королевства франков* сообщают, что в первом сражении князь Борна был покинут гудусканами⁶⁴. Борне пришлось снова покорить гудусканов, вернувшихся домой⁶⁵. Мотивы ухода гудусканов неясны. Анонимный автор «Жизнеописания Людовика», вероятно, опиравшийся в своем описании событий, связанных с восстанием Людевита, на *Анналы королевства франков*, затрудняясь определить причины поступка гудусканов, предполагает, что дело здесь в «неверности» или «страхе»⁶⁶. Однако, скорее всего, это просто догадки франкского автора.

Конечно, мотивы ухода гудусканов могли быть разными. В той или иной степени здесь могла сказаться конкретная военная обстановка. Однако необходимо учитывать, что князя, судя по всему, оставило все гудусканское ополчение, а не какая-либо его часть, и что ему пришлось вновь покорять гудусканов. Подоплекой событий 819 г. могло являться стремление подчиненной хорватскому князю этнополитической общности сохранить свою самостоятельность⁶⁷ или недовольство усилением княжеской власти со стороны общества, сохранявшего архаичные родоплеменные традиции⁶⁸. В любом случае предположение, что Борна первоначально являлся «племенным» (гентильным) князем гудусканов, весьма затруднительно согласовать с фактом неповиновения власти Борны той самой этнополитической общности, от которой должна была исходить легитимация его как правителя.

Привлечение Борной ополчения гудусканов к походу против Людевита вполне понятно — область их проживания располагалась не очень далеко от района военных действий. *Анналы королевства франков* сообщают о спасении князя Борны от войск Людевита его «преторианцами»⁶⁹, под которыми, скорее всего, подразумевались княжеские дружинники⁷⁰. По всей видимости, и в сообщении *Анналов королевства франков* о том, что Борна, спрятав «все свое» в крепостях, совершал нападения на появившиеся в его землях войска

⁶⁴ «Borna vero, dux Dalmaciae, cum magnis copiis ad Colapium fluvium Liudewito ad se venienti occurens, in prima congressione a Guduscanis deseritur...» (Documenta. P. 322; ARF. P. 150).

⁶⁵ «Guduscani domum regressi, iterum a Borna subiguntur» (Documenta. P. 322; ARF. P. 150).

⁶⁶ «Sed Borna, Goduscanorum perfidia an timore desertus incertum...» (Documenta. P. 322).

⁶⁷ Со стремлением горной («банской») Хорватии сохранить свою самостоятельность отказ гачан повиноваться князю Борне связывала Н. Клаич (*Klacić N. Povijest Hrvata... S. 279*). В более поздних своих работах исследовательница настаивала на длительном сохранении «банской» Хорватией (где хорваты, по ее мнению, жили издревле) своей самостоятельности, предполагая даже, что Борна так и не смог удержать гудусканов в своей власти (*Klacić N. Poganška Stara ili Velika Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // Croatica Christiana Periodica. Br. 21. Godište XII. Zagreb, 1988. S. 49–62*).

⁶⁸ Как полагает Р. Катичич, речь шла о восстании гудусканов против власти Борны с целью сохранить свои древние порядки и воспрепятствовать полному поглощению их со стороны княжества. По мнению исследователя, решение об этом они приняли коллективно, созвав вече. При этом Р. Катичич, со вниманием относясь к данным «Жизнеописания Людовика», опирается, главным образом, на сведения источников о конфликтах князя с ополчением в других славянских землях, славянская терминология которых позволяет, по его мнению, лучше понять лаконичные записи франкских источников. См.: *Katičić R. Pretorijanci... S. 71–74*. Следует, однако, подчеркнуть, что в самих *Анналах королевства франков* о восстании как таковом не говорится. Не дает прочных оснований для такой интерпретации и поведение гудусканов, очевидно, просто покинувших Борну, а не присоединившихся к Людевиту.

⁶⁹ «...auxilio tamen praetorianorum suorum protectus, evasit» (Documenta. P. 322; ARF. P. 150).

⁷⁰ Весьма веские доводы в пользу такой интерпретации привел Р. Катичич: *Katičić R. Pretorijanci... S. 74–83*.

Людевита «с отборным отрядом» (*cum delecta manu*)⁷¹, подразумеваются именно княжеские дружинники⁷².

Исходя из того обстоятельства, что в битве у реки Купы с уходом гудусканов князь еле спасся, причем лишь благодаря своим дружинникам, можно предположить, что ополчение из других областей Хорватского княжества либо вовсе не участвовало в этом сражении, либо играло гораздо меньшую роль, чем войско гудусканов и княжеская дружина. Судя по контексту повествования, повторное подчинение Борной оставшихся княжеские войска и возвратившихся домой гудусканов произошло вскоре после битвы, в связи с чем нельзя исключать, что и эта акция была также осуществлена дружинниками князя⁷³.

В погребениях VIII — IX вв. на территории хорватского политического образования в Далмации раскопками обнаружено достаточно большое количество предметов франкского воинского снаряжения (мечи, стрелы, накладные элементы ремней)⁷⁴. Правда, некоторые изделия, как предполагается, изготовлялись по образцу франкских в самой Далматинской Хорватии, однако их доля по сравнению с франкским импортом была невелика⁷⁵. Наиболее значительная концентрация погребений с предметами франкского вооружения открыта на некрополе в месте Црквина в Бискупии под Книном⁷⁶. Концентрация этих находок в районе Книна, где во второй трети IX в. уже определенно фиксируется один из центров княжеской власти, позволяет предположить, что это были погребения дружинной знати.

Следует заметить, что в районах, где локализуется область расселения гудусканов, находки франкского вооружения относительно скудны⁷⁷. Хотя этому обстоятельству в связи с недостаточной археологической изученностью данного района и нельзя придавать решающего значения, попытки локализовать в Лике первоначальный политический центр, откуда он впоследствии тем или иным образом переместился в район Трогира и Сплита⁷⁸, представляются на этом фоне слишком рискованными. Результаты археологических раскопок, напротив, склоняют к тому, что дружинники Борны происходили с территории собственно «gens Chroatorum», где в это время определенно фиксируется политический организм, чья военная элита была способна к экспансии.

Как известно из описания Хорватии в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», Гашка еще в середине X в. была в числе трех областей Хорватского государства, находившихся под управлением хорватского бана⁷⁹. В историографии уже высказывалось мнение о том, что особое положение этих областей может быть связано с тем, что именно здесь находился район проживания гудусканов⁸⁰. Однако, если считать, что гудусканы населяли сравнительно небольшую область Гашку⁸¹, возникает вопрос о причинах особого статуса еще двух соседних областей — Лики и Крбавы. Убедительным объясне-

⁷¹ «...cum delecta manu nunc a tergo nunc a latere insistens Liudewiti copias et noctu et interdium, quacumque poterat, laceravit neque cum in sua provincia impune versari permisit» (Documenta. P. 322–323; ARF. P. 150).

⁷² См., например: Ферлуга J. Византија и постанак најранијих јужнословенских држава // Зборник радова Византолошког института. Књ. XI. Београд, 1968. С. 62.

⁷³ Katičić R. Pretorijanci... S. 74.

⁷⁴ См., например: Belošević J. Počeci kršćanstva u Hrvata u svjetlu arheološke građe // Radovi filozofskog fakulteta u Zadru. Razdijelo povijesnih znanosti. Vol. 36 (23). Zadar, 1998. S. 112–117; Milošević A. Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I. Split, 2000. S. 117–133.

⁷⁵ См., например: Belošević J. Op. cit. S. 112.

⁷⁶ Некрополь в Бискупии под Книном возник в VIII в., по-видимому, в районе позднеантичного раннехристианского некрополя. См.: Milošević A. Op. cit. S. 123.

⁷⁷ Tomićić Ž. Arheološka slika ranoga srednjeg vijeka na prostoru međurječja Drave, Dunava i Save // Hrvati i Karolinzi. Dio I. Split, 2000. S. 157–158.

⁷⁸ Margetić L. Ugovor Mletaka... S. 231–232; Idem. Bilješke uz Trpimirovu ispravu... S. 50; Idem. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države... S. 146–147.

⁷⁹ «Боян (бан — Д.А.) их владеет Кривасой, Лицей и Гуциской» (Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 133).

⁸⁰ См., например: Бабић В. Хрватске земље у ранофеудално доба // Историја народа Југославије. Прва књига. Београд, 1953. С. 168; Klaić N. Povijest Hrvata... S. 279.

⁸¹ Подробно о границах Гашки см.: Kranjčević M. Op. cit. S. 125–151.

нием этого статуса представляется нам предположение С. Павичича, согласно которому Гацка как область расселения гудусканов первоначально охватывала территории всех трех областей, находившихся под управлением бана, а Лика и Крбава в качестве отдельных единиц выделены из ее состава позднее⁸². По мнению С. Павичича, термин «*patio*», которым, судя по контексту сообщения анналов под 818 г., определялись гудусканы, едва ли мог быть отнесен к ним, если бы речь шла только о жителях одной небольшой области Гацка⁸³.

Хотя понятие «*patio*» и близкое ему по значению понятие «*gens*» применялись во франкской анналистике к различным общностям, как правило, так именовались самостоятельные этнополитические образования. Поэтому следует согласиться с мнением, что применение к гудусканам термина «*patio*» существенно затрудняет попытку представить их как одну из составных частей более крупного этнополитического образования — хорватского⁸⁴. С предположением о том, что район расселения гудусканов охватывал все области, управлявшиеся баном, хорошо согласуется и то обстоятельство, что на территории Далматинской Хорватии в границах середины X в. (времени составления 30-й главы) достоверно зафиксированы только две этнополитические общности — хорватская и гудусканская. Логично предположить, что именно границы расселения этих общностей легли в основу зафиксированного в 30-й главе труда императора Константина административного разделения Хорватского государства на банскую область и остальную Хорватию, разделенную на жупании⁸⁵.

Примечательно, что в 30-й главе находящиеся под управлением бана области Лика, Гацка и Крбава в отличие от перечисленных здесь одиннадцати жупаний Хорватского княжества не именуются жупаниями. В связи с этим в историографии высказывалось мнение, что деление по жупаниям не распространялось на банскую область и что здесь существовало более архаичное жупное устройство, связанное с делением по родам или племенам⁸⁶. Интересно, что именно в этом регионе близ Гацки позднейшие источники фиксируют существование жупы Бужани⁸⁷. Здесь же зафиксирован и ряд похожих топонимов⁸⁸. Название «Бужани» гипотетически может быть связано с древним славянским племенем бужан, обитавшим в бассейне реки Буг⁸⁹. Наличие здесь жупы с таким названием в этом случае можно было бы расценивать как намек на сохранение в горной области племенных названий эпохи славянских миграций на Балканы.

Что же касается самого этнонима гудусканов (гачан), то он, возможно, был образован от названия той местности на Балканах, которую в свое время заселили предки гудусканов⁹⁰. В этом случае понятно, что этноним появился уже после миграции славян в Далмацию и является, таким

⁸² Pavičić S. Seobe i naselja u Lici. (Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knjiga 41. Antropogeografska istraživanja III.). Zagreb, 1962. S. 15.

⁸³ Pavičić S. Op. cit. S. 15.

⁸⁴ Margetić L. O Bormi... S. 93–94, bilj. 22.

⁸⁵ Иначе объясняет особый статус горной Хорватии И. Мужич. По мнению исследователя, территория Лики, Гацки и Крбавы была первоначальным местом расселения хорватов, куда они мигрировали около середины VI в. и откуда они только в конце VIII — начале IX в. расселились в приморских областях Далмации, подчинив своей власти местное автохтонное население. В своей локализации первоначального расселения хорватов на территории горной Хорватии И. Мужич базируется, главным образом, на данных Хроники Фомы Сплитского (XIII в.) о первоначально занятой хорватами горной области Куредия (Хорватия), по словам хрониста, граничащей с Далмацией с севера, а также на сведениях ряда позднейших источников, также именующих данный регион Хорватией. См.: Mužić I. Goti ili Sklavi... S. 54–61; Idem. Hrvati i autohtonost. S. 56–60, 256–259, 282–283; Idem. Doseljenje, smještaj i pokrštanje... S. 32–41, 48–49, 53–54. Мы не можем согласиться с абсолютизацией сведений Хроники Фомы Сплитского, не находящих подтверждения в более ранних источниках. Как известно, древнейшие упоминания этнонима «хорват», датируемые IX столетием, относятся к территории между рекой Цетинной и хребтом Велебит.

⁸⁶ Обзор мнений см.: Smiljanić F. Op. cit. S. 187.

⁸⁷ Gušić B. Naseljenje Like do Turaka // Lika u prošlosti i sadašnjosti. Karlovac, 1973. S. 33; Pavičić S. Op. cit. S. 48.

⁸⁸ Gušić B. Op. cit. S. 33.

⁸⁹ См., например: Ančić M. Op. cit. S. 76.

⁹⁰ Согласно достаточно убедительной этимологии, название области происходит от праславянского слова «*gъdъ*» (лес). Этноним «гачане» означал бы в этом случае жителей лесной реки или лесной

образом, типологически сходным с этнонимами западнобалканских славянских общностей — ретвлян, захумлян, травунян, конавлян и дуклян. Таким образом, сам характер этнонима гудусканов (не говоря уже о красноречивом факте его сохранения еще в первой четверти IX в.) может указывать на то, что процесс этнополитической консолидации славянского населения на будущей северо-западной территории раннесредневекового Хорватского государства осуществлялся длительное время самостоятельно, независимо от хорватов. Этот процесс привел к образованию здесь отдельной от хорватов этнополитической общности — «*ratio Guduscanorum*».

В связи с проблемой этногенеза гудусканов заслуживает внимание и обозначение местного управителя термином «бан». Слово «бан», вероятно, происходит от имени аварского кагана Баяна, правившего во второй половине VI в., или от аварского слова «баян» (богатый), обозначавшего высокое военное звание⁹¹. О проживании аваров на территории Хорватии еще в середине X в. свидетельствует та же 30-я глава трактата Константина Багрянородного, в которой после рассказа о победе хорватов над аварами отмечается: «В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами»⁹². Между тем, археологические следы присутствия аваров на территории Далмации весьма скудны. Этническая принадлежность некоторых археологических памятников дискуссионна. Больше аварских памятников обнаружено на территории Посавской Паннонии⁹³, однако и их число не так велико, чтобы с уверенностью говорить о наличии здесь прямой аварской власти⁹⁴. Некоторые исследователи склонны связывать с аварами топонимы с корнем «*Obg*», фиксируемые на территории Далмации в средневековых источниках и достаточно распространенные (их насчитывается около тридцати)⁹⁵. Однако данная позиция уязвима ввиду возможности иной этимологии этих топонимов⁹⁶.

В труде Константина Багрянородного «аварами» иногда именуются подвластные аварам славяне, участвовавшие вместе с аварами в завоевании Далмации⁹⁷. Поэтому сообщение автора 30-й главы об остатках «аваров» может быть интерпретировано по-разному. Теоретически оно могло относиться к отдельным поселениям этнических аваров на хорватских землях. Однако, как справедливо заметил В. Поль, данное известие, являющееся самим поздним свидетельством об аварах (на центральных землях каганата в Паннонии авары последний раз упоминаются в источниках в 822 г.), скорее может указывать на некую общность, которая связывала свое происхождение с аварами⁹⁸. Действительно, допустить столь длительное существование сохранявших свою обособленность островков аварского населения в Далмации весьма трудно. Более вероятно поэтому, что название «авары» применялось здесь к какой-то части славянского населения. Если же принять во внимание то обстоятельство, что победа над аварами была одним из важнейших элементов в этногенетическом предании хорватской общности⁹⁹, складывавшейся в Далмации из различных этнических элементов, но

области. См.: Katičić R. *Filološka razmatranja...* S. 85. Обзор мнений см.: Kranjčević M. O Gaskoj... S. 121–125. Другая довольно распространенная гипотеза связывает происхождение гудусканского этнонима с этнонимом готов, проживавших в Либурнии в годы существования Остготского королевства с центром в Италии. См.: Kelemina J. *Goti na Balkanu // Hrvati i Goti*. Split, 1996. S. 94. Такое происхождение этнонима предполагает сохранение на этой территории к моменту прихода славян готского населения, что пока остается неподтвержденным.

⁹¹ См., например, комментарий О.А. Акимовой: *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 373. Существуют, впрочем, и другие варианты этимологии этого слова. Обзор мнений см.: Klaić N. *Povijest Hrvata...* S. 279; *Mužić I. Hrvati i autohtonost*. S. 419–421.

⁹² *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 131.

⁹³ *Tomičić Z. Op. cit.* S. 146–151.

⁹⁴ *Košćak V. Dolazak Hrvata*. S. 370–371.

⁹⁵ *Šišić F. Op. cit.* S. 678–680; *Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Vol. 8. Zagreb, 1977. S. 65–67.*

⁹⁶ *Suić M. Ocjena radnje L. Margetića «Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata» // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Vol. 8. Zagreb, 1977. S. 97; Koščak V. Dolazak Hrvata S. 368–369.*

⁹⁷ *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 111.

⁹⁸ *Pohl W. Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // Etnogeneza Hrvata. Zagreb, 1995. S. 89–90.*

⁹⁹ О важности мотива победы над мощным соперником в этногенетических преданиях см.: *Wolfram H. Razmatranja o «origo gentis» // Etnogeneza Hrvata. Zagreb, 1995. S. 50–51.*

к середине X в. уже, несомненно, консолидированной, то сохранение отдельными ее членами аварского самосознания выглядит еще более проблематичным. К тому же само включение сведений об «аварах» в описание хорватских земель в 30-й главе позволяет думать, что «авары» еще в то время представляли собой немаловажный фактор во внутренней жизни Хорватского государства. Поэтому представляется вполне вероятным предположение Ф. Шишича, что хорватские «авары», современные автору 30-й главы, проживали в той части Хорватского государства, которая находилась под управлением бана¹⁰⁰.

«Аварами» могли именоваться как все жители данной области, так и какая-либо их часть. Сохранению аварского самосознания на территории этой горной области должно было естественным образом способствовать ее более позднее включение в состав хорватского политического образования, начавшего формироваться в Далмации, согласно известиям трактата Константина Багрянородного, еще в правление императора Ираклия (610–641 гг.). Можно думать, что в политической организации гудусканской общности заметную роль играла аварская военно-политическая элита, с чем может быть связано как обилие на северо-западе Хорватии топонимов с корнем «obv», так и аварская этимология слова «бан», первоначально являвшегося, очевидно, обозначением местного правителя или аварского наместника.

Таким образом, есть основания полагать, что жители гористой банской области не входили в состав древнейшего хорватского политического образования VII века и лишь позднее признали хорватского князя своим правителем, очевидно, сохранив при этом автономный статус. Существование в горных районах Хорватского княжества пользовавшейся автономией этнополитической общности гудусканов, как видно, не может расцениваться как указание на то, что хорватское политическое образование в начале IX в. представляло собой объединение «племен». Именование же хорватского правителя «князем гудусканов» франкским анналистом следует, очевидно, объяснить соседством признавшей к тому времени верховную власть хорватского правителя гудусканской общности с франкскими владениями.

Едва ли возможно с определенностью ответить на вопрос, когда гудусканы признали над собой власть хорватского правителя. Это могло произойти и в правление Борны, и ранее. Известия франкских источников позволяют сделать некоторые наблюдения над характером власти этого правителя, которому гудусканы уже были в той или иной степени подвластны. Так, уже давно было справедливо обращено внимание на то, что в известии *Анналов королевства франков* о славянских посольствах ко двору Людовика Благочестивого упоминание имен и титулов князей Борны и Людевита резко контрастирует с «коллективными» наименованиями ободритов и тимочан, также отправивших посольства к Людовику¹⁰¹. Это обстоятельство можно расценить как свидетельство достаточно высокого, в сравнении с другими общностями, положения княжеской власти в Далматинской Хорватии и Посавье. Вслед за этим следует подчеркнуть и то, что, за исключением именованного хорватского правителя «князем гудусканов», хорватский правитель выступает на страницах франкских *анналов* как правитель территории — «князь Далмации», «князь Далмации и Либурнии».

Как уже отмечалось, *Анналы королевства франков* позволяют говорить об участии в военных конфликтах в правление Борны княжеской дружины. В распоряжении князя находились также крепости (*castella*). *Анналы королевства франков* сообщают о том, что Борна во время походов Людевита на его землю спрятал «все свое» в крепостях¹⁰². Казалось бы, наличие в распоряжении князя сети крепостей может свидетельствовать в пользу территориального характера власти хорватского правителя. Вместе с тем у нас нет данных, которые бы позволили нам предположить наличие в Далматинской Хорватии первой четверти IX века административной системы градов, каковая существовала в IX в. в Великой Моравии. В связи

¹⁰⁰ Ф. Шишич, принимавший аварскую этимологию термина «бан», обращал внимание на обилие топонимов с корнем «obv» на северо-западе хорватских земель. См.: Šišić F. Op. cit. S. 678–680. Хотя происхождение топонимов на «obv» от славянского обозначения аваров «обры» не является единственно возможной этимологией, концентрация таких топонимов в районе управлявшейся баном области склоняет к тому, чтобы все-таки связать их с аварами.

¹⁰¹ *Lowmiański H. Początki Polski*. T. IV. S. 271.

¹⁰² «...omnia sua castellis inclusit...» (*Documenta*. P. 322–323; *ARF*. P. 150).

с этим следует отметить, что применительно к моравским градам в латиноязычных источниках используется термин «civitas», в то время как термин «castellum» мог применяться по отношению к обычной сторожевой крепости¹⁰². Четкое разграничение этих понятий проводится и в тексте *Анналов королевства франков*. Что особенно важно, мы наблюдаем его и в тех сообщениях, которые касаются хорватских и сербских земель. Так, столица Посавского княжества Сисак определяется здесь термином «civitas»¹⁰⁴. Так же именуется здесь и град одного из сербских князей, у которого нашел убежище Людевит Посавский¹⁰⁵. По отношению же к крепостям Людевита используются термины «castellum» и «munitio»¹⁰⁶.

Под 821 г. *Анналы королевства франков* сообщают: «Между тем Борна, князь Далмации и Либурнии, умер, и по просьбе народа и с согласия императора племянник его по имени Владислав поставлен был его преемником»¹⁰⁷. Это сообщение источника до некоторой степени позволяет судить о том, как в Далматинской Хорватии в первой четверти IX века осуществлялась передача власти. Как видно, власть передавалась представителю правящего рода. Однако для этого требовалась воля «народа» (populus) и согласие верховного сюзерена — франкского императора. Если санкция императора на передачу власти полностью согласуется с вассальным статусом Хорватского княжества по отношению к Франкскому государству¹⁰⁸, то характер участия в этом акте «народа», как и социальную принадлежность тех, кто был обозначен этим понятием, истолковать сложнее. Сообщение *Анналов королевства франков* можно расценивать как намек на существование в Далматинской Хорватии некоего коллективного органа, который условно может быть назван «народным собранием».

Обычно под термином «populus» в каролинских источниках подразумевался «народ политический», т.е. те, кто непосредственно участвовал в принятии политических решений¹⁰⁹. Теоретически под этим названием может скрываться как народное вече, так и менее архаичные коллективные органы власти, в которых знать играет все более значимую роль. Следует отметить, что после 821 года источники не содержат известий об участии «народа» в передаче власти в Далматинской Хорватии. Данные же середины IX века позволяют говорить об особой политической роли жупанов, выражавшейся, возможно, и в наличии собрания жупанов как органа власти¹¹⁰. Известно, что в Карантании VIII—IX вв. главенствующую роль в народном собрании играл слой косезов, в которых большинство исследователей видят княжеских дружинников или особый привилегированный слой воинов-земледельцев¹¹¹. По-видимому, именно косезам принадлежало право утверждения на княжеском столе нового князя¹¹². То обстоятельство, что в 821 г. власть перешла к племяннику Борны позволяет предположить, что в данном случае речь шла не об избрании как таковом, а о санкциях «политического народа» на передачу власти в пределах правящего рода, как это, судя по всему, было и в Карантании¹¹³. Учитывая достаточно сильную княжескую власть Борны, опиравшегося на

¹⁰² Бялева Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 111.

¹⁰⁴ Documenta. P. 327; ARF. P. 158.

¹⁰⁵ Documenta. P. 327; ARF. P. 158.

¹⁰⁶ Documenta. P. 323; ARF. P. 152.

¹⁰⁷ «Interea Borna, dux Dalmatiae atque Liburniae, defunctus est, et petente populo atque imperatore consentiente nepos illius, nomine Ladasclavus, successor ei constitutus est» (Documenta. P. 324; ARF. P. 155).

¹⁰⁸ Подробнее о правовых нормах вассалитета в славянских землях, зависящих от Каролингов, см.: Ронин В.К. Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет) // Советское славяноведение. Вып. 6. М., 1982. С. 36—48.

¹⁰⁹ См., например: Вейс I. Op. cit. S. 113; Ронин В.К. Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII—начале IX в. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 83.

¹¹⁰ В грамоте князя Трпимира говорится о совете князя с его жупанами (Diplomatički zbornik... S. 4).

¹¹¹ Краткий обзор мнений см.: Тржешттик Д. Возникновение славянских государств... С. 72—73.

¹¹² Grafenauer B. Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952. S. 478—505.

¹¹³ Grafenauer B. Razvoj i struktura države Karantanskih Slavena od VII do IX stoleća // Historijski zbornik, 17. Zagreb, 1964. S. 220.

свою дружину, нельзя исключать, что и в Далматинской Хорватии уже в первой четверти IX века такая функция являлась прерогативой привилегированного слоя.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что в интересующей нас части Далмации в начале IX в. мы встречаем всего два этнополитических организма — хорватский и гудусканский. Используя свойственную источникам того времени социально-политическую терминологию, их можно было бы обозначить как «*natio Chroatorum*» и «*natio Guduscanorum*». К тому времени, когда эти политические образования, складывавшиеся из разных этнических элементов, попали в поле зрения франков, процесс внутренней консолидации каждого из них уже прошел достаточно длительный путь. Хорватский этнополитический организм вместе с тем проявил себя как более сильный и политически устойчивый: к началу IX в. «*natio Guduscanorum*» оказалась под властью хорватского князя, сохраняя, однако, особый статус. Такому развитию событий, по всей видимости, способствовал и характер княжеской власти внутри «*natio Chroatorum*». Как мы могли убедиться, положение князя Борны создавало необходимые условия как для прочной его власти внутри своей «*natio*», так и для удержания в повиновении соседнего этнополитического организма.

Summary

The article deals with the problem of the original status of Prince Borna who reigned in the territory of the present-day Croatia from c. 818 to 821. The Royal Annals («*Annales Regni Francorum*») use three different definitions for expressing Borna's status. Borna was mentioned as «*dux Guduscanorum*» in 818, as «*dux Dalmaciae*» in 819, and as «*dux Dalmatiae atque Liburniae*» in 821. The question is how was the definition «*dux Guduscanorum*» correlated with the others. Having described the different interpretations of Borna's status offered in historiography the author of the article examined sources concerning ethnic and political situation in that part of the former Roman province of Dalmatia and expressed his own view on the subject. According to the author's conclusions, at the beginning of the 9th century there existed only two political formations in the territory under discussion. Using the terminology of the early medieval sources one can call them «*natio Guduscanorum*» and «*natio Chroatorum*». They were both ethnically heterogeneous in their origin. However, by the time they came across the Frankish expansion, each of them had already been consolidated. Borna was a Croatian ruler whose authority was also recognized by the Guduscani who had an autonomous status. The author of the article also analyses the important social institutions of Borna's principality. The author stresses that there existed all the necessary conditions for Borna's strong power within his «*natio Chroatorum*» and for his holding neighbour «*natio Guduscanorum*» under his dominion.